УДК 342

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВ ДАЛЬНЕЙШЕГО КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Баринов Э.Э., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, *emil.barinov@yandex.ru*

В статье рассматриваются различия в консервативных и либеральных подходах к оценке юридических, политических, философских и морально-нравственных аспектов реализации Конституции РФ 1993 г. в контексте анализа путей дальнейшего конституционно-правового развития России. Автор оценивает потенциал Основного Закона на основе изучения интерпретационных актов Конституционного Суда РФ и отраслевого законодательства, призванного конкретизировать и развивать положения Конституции РФ.

Ключевые слова: доктрины конституционного развития, конституционализм, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, конституционная культура, конституционные поправки, консервативная идеология, либерально-демократическая идеология, легитимность Конституции РФ, пересмотр Конституции РФ.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-26-32

UDC 342

LIBERAL AND CONSERVATIVE APPROACHES TO ASSESSING THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSPECTS FOR FURTHER CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Barinov E.E., Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation, *emil.barinov@yandex.ru*

The article discusses the differences in conservative and liberal approaches to assessing the legal, political, philosophical and moral aspects of the implementation of the 1993 Constitution of the Russian Federation in the context of analyzing the ways for further constitutional and legal development of Russia. The author evaluates the potential of the Basic Law on the basis of the study of interpretative acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and industry legislation designed to specify and develop the provisions of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: doctrines of constitutional development, constitutionalism, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, constitutional culture, constitutional amendments, conservative ideology, liberal democratic ideology, legitimacy of the Constitution of the Russian Federation, revision of the Constitution of the Russian Federation.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-31-3-26-32

Конституция Российской Федерации как документ, обладающий правовыми, политическими, социальными, морально-нравственными и иными характеристиками, выполняет не только праворегулирующую, но и воспитательную функцию. Являясь ядром российской политико-правовой системы и олицетворяя состояние современного российского конституционализма, Конституция РФ выступает базовой основой формирования и развития конституционной культуры. Являясь необходимым условием полноценной реализации и обеспечения прав и свобод личности, современная российская Конституция на концептуальном уровне традиционно удостоивается как положительных оценок, так и критических замеча-

ний. Отдельного внимания традиционно удостоивается важная и актуальная проблема текстуально-терминологического несовершенства Конституции РФ [25, с. 13].

В последнее десятилетие текст Основного закона достаточно активно изменяется. Однако изменения эти называют, скорее, «косметическими» нежели принципиальными и концептуальными. Как справедливо отмечается в этой связи в научной литературе, ни одно из состоявшихся изменений Конституции РФ не носило характер конституционной реформы, хотя и оказывало значительное влияние на систему организации власти, характер исполняемых полномочий и др. [22, с. 10; 23, с. 272]. Аналогичные соображения можно выска-

зять и в отношении отраслевого законодательного развития положений соответствующих глав Конституции, которые не привели к сколько-нибудь значительному концептуальному изменению конституционно-правовой действительности. Это не означает, что масштабная конституционная реформа невозможна путем значительной редакции глав с третьей по восьмую Конституции РФ. Кроме того, определенные настроения части российской политической элиты позволяют говорить о том, что достаточно масштабные концептуальные изменения Конституции РФ в части перераспределения полномочий отдельных ветвей власти, пусть и не затрагивающие первую и вторую главы Основного закона, достаточно активно обсуждаются [11].

Отдельные авторы высказывают предположение, что «негибкость» российской Конституции (имеется в виду усложненный порядок внесения изменений в текст первой и второй главы Конституции РФ) – это, скорее, недостаток нежели ее положительное качество. Именно с жесткостью российской Конституции связывается высокая интерпретационная активность Конституционного Суда РФ [21, с. 22]. Одновременно в современной науке широкое распространение получили идеи «живой» конституции. Как отмечает в этой связи профессор Н.С. Бондарь, положения Конституции РФ могут развиваться и обогащаться вместе с развитием государственных и общественных институтов с учетом конкретно-исторических условий, в том числе при помощи средств конституционного нормоконтроля [10, с. 23]. Не углубляясь в общетеоретические, конституционно-правовые и политические аспекты проблемы изменения текста действующей Конституции, отметим, что соответствующие вопросы обсуждаются также и в прикладном, формально-юридическом, «терминологическом» ключе [24, с. 3]. При этом дискуссии о содержании первой и второй глав Конституции РФ ввиду невозможности в обозримой перспективе оказать реальное влияние на их изменение (российская история подобных изменений еще не знала), как правило, выходят особенно острыми, с использованием всех возможных средств и способов ее неофициального и официального толкования.

В самом общем виде можно говорить о некотором противостоянии в оценке положений Основного закона либерально и консервативно настроенных авторов. Именно такой подход зачастую позволяет обратить внимание на наиболее «спорные» и дискутируемые моменты действующей Конституции. Так, например, представители консервативного крыла российской науки традиционно говорят об излишней и не всегда оправданной «либеральности» Основного закона страны. В современной России, когда идеи либерализма все чаще критикуются как со стороны ученых, так и представителей политической элиты, соответствующие вопросы обретают все большую и большую актуальность. Базовой, системной проблемой в

этой связи выступает выдвижение на передний план прав и свобод личности как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ) в ущерб интересам общества и государства. Следует напомнить, что переход от традиционной для Советского государства модели «государство – личность» к индивидуалистической модели взаимоотношений («личность – государство»), выступая в качестве одного из базовых и концептуальных моментов новой российской Конституции, стал олицетворением идеи построения государства нового типа. Однако, как показало время, либерально-индивидуалистическая модель государственности так и не была окончательно принята значительной частью населения России. В этой связи многие ученые говорят как о нереализованном потенциале либеральной идеи (незаинтересованности представителей политической элиты в ее реализации), так и о ее полном или частичном несоответствии конституционному сознанию и мировоззрению россиян. Оценивая положения ст. 2 Конституции РФ профессор Н.С. Бондарь, отмечает, что именно естественно-правовые начала Конституции РФ 1993 г. выступили основой «правового романтизма» и «политических иллюзий» на начальных этапах реализации Конституции, однако из самого текста Конституции вытекает «недопустимость противопоставления естественно-правовых начал позитивному законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина» [10, с. 47]. Противники либерализации государственно-правовых отношений считают, что современная российская Конституция навязывает людям «культ частной выгоды и наживы как норму человеческого общежития», тогда как «стремление к самовыражению и успеху никак не может быть признано смыслом человеческого бытия» [16, с. 234].

Рассматривая текст современной российской Конституции с позиций консервативно настроенных ученых, нельзя не отметить то внимание, которое уделяет нынедействующая Конституция праву частной собственности равным образом признаваемой и защищаемой наравне с государственной и муниципальной (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Напомним, что советская юриспруденция категорией «частная собственность» не оперировала. Последние советские конституции в первоначальных редакциях оперировали понятием «личная собственность», под которой понимались трудовые доходы, предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения [7; 8]. Откровенное смещение приоритетов в сторону социалистической собственности в государственной экономической политике не выдержало проверку временем, однако нельзя не отметить, что в отличие от современной российской политико-правовой действительности, необходимое идеологическое политиковоспитательное сопровождение данной идеи реализовывалось на гораздо более высоком уровне.

Много вопросов в этой связи вызывает конституционное положение о том, что в частной собственности могут находиться земля и иные природные ресурсы (ч. 2 ст. 9 Конституции РФ). Следует отметить, что на практике это конституционное положение реализуется в откровенно усеченной форме. В соответствии с действующим экологическим законодательством право частной собственности на природные ресурсы, по сути, ограничивается собственностью на земельные участки и водные объекты, расположенные на них (пруды и обводненные карьеры). Довольно неоднозначно в современном российском законодательстве регламентировано право частной собственности на лесные участки. Однако нельзя не заметить, что большинство авторов, исследующих данное конституционное положение, акцентируют свое внимание именно на частной собственности на землю. В этой связи используются формулировки, призванные подчеркнуть, что наряду с «общим» правом собственности Конституция отдельно выделяет право собственности на землю [18, с. 21]. На наш взгляд, такие формулировки выглядят не совсем корректными, ведь в данном случае речь идет именно о земле, как об одном из природных ресурсов и соответствующее ограничение на данное право может быть наложено на тех же основаниях, что и на иные природные ресурсы. В этой связи также следует учитывать, что действующее российское законодательство в качестве объекта права частной собственности рассматривает не землю, а земельные участки, что лишним раз подчеркивает некоторую условность особого положения «земли» среди других пригородных ресурсов в контексте права частной собственности. В соответствии с действующей Конституцией вполне возможна ситуация, когда на уровне текущего законодательства будет реализовано, например, право частной собственности на недра. Тот факт, что соответствующее положение не будет противоречить действующей Конституции, хотя и видится в ближайшем будущем маловероятным, совершенно справедливо вызывает обоснованные опасения у целого ряда исследователей.

Анализируя институт ограничения прав и свобод человека в целом, некоторые авторы обращают внимание еще на одну проблему, связанную с вопросами собственности. Речь идет о том, что в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы могут быть ограничены, в том числе, в целях защиты основ конституционного строя, т.е. права и свободы могут быть ограничены в целях защиты частной, государственной или муниципальной собственности, что «неприемлемо для правового государства» [9, с. 18]. Аналогичные соображения высказываются и в отношении Президента, Федерального Собрания, Правительства и судов Российской Федерации, которые, будучи неотъемлемой составляющей основ конституционного строя, «имеют приоритет перед правами и

свободами человека» в случае их предполагаемого ограничения. Надо сказать, что в научной литературе уже достаточно давно активно обсуждается проблема размытости и неопределенности конституционных оснований ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые, по сути, нивелируют весь политико-правовой и морально-нравственный потенциал конституционного положения о том, что именно права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации (ст. 2 Конституции РФ).

Отдельное внимание традиционно обращает на себя проблема реализации идеи социального государства в России (ст. 7 Конституции РФ). Сколько бы не пытались представители публичной власти доказать, что в современной России группа социальных прав и свобод обеспечена не меньшим количеством соответствующих гарантий чем в бывшем СССР, события последних лет наглядно свидетельствуют о том, что со своими социальными функциями современное Российское государство справляется не лучшим образом. Кроме того, последние новеллы в российском законодательстве в области государственной социальной политики, в частности, так называемая «пенсионная реформа», наглядно продемонстрировали полное нежелание действующей политической элиты «договариваться» с населением в вопросах его же социального обеспечения, что не только породило волну протестных настроений, но и способствовало новому витку дискуссий о реализации идеи социального государства в России, дискретных полномочиях законодателя в тех или иных сферах общественной и государственной жизни, особенностях национальной демографии и др. То, что уголовное законодательство обогатилось новой статьей – 144.1, предполагающей ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, по вполне понятным причинам только подчеркнуло актуальность соответствующей проблемы.

Значительное количество дискуссий между либерально и консервативно настроенными учеными породило определение России как светского государства, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст. 14 Конституции РФ). Формулировка «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» относится отдельными исследователями к «непреодолимым конституционным запретам» [15]. Однако, как показало время, даже такой «непреодолимый» запрет может иметь достаточно широкую сферу своей интерпретации [13, с. 28]. В конечном итоге, консервативная часть научного сообщества осталась неудовлетворена тем, что упоминание о светском государстве прозвучало в Конституции (несмотря на явную правовую неопределенность данной категории), а вопросы особого статуса традиционных религий и

их места и роли в жизни современного российского общества решаются законодателем недостаточно активно, либеральная – тем, что традиционные религии и верования получили серьезные привилегии как на уровне правовых, так и на уровне неправовых практик. Кроме того, традиционным для современной науки и публицистики является вопрос о «правах атеистов», который пришел на замену вопросу о «правах верующих» в бывшем СССР.

Одновременно сторонниками юридического оформления особого статуса традиционных религий предлагается на уровне конституционного текста сформулировать принципиально иное понимания места и роли семьи и брака, в том числе юридически обосновав разницу в правовом статусе мужчин и женщин. На наш взгляд, на уровне отраслевого законодательства эта разница определенно прослеживается. Наиболее видимыми примерами такого неравенства выступают отсутствие смертной казни и пожизненного заключения для женщин в современном российском уголовном законодательстве. В аналогичном ключе рассматривается вопрос о возможности отбывания наказания в виде лишения свободы мужчинами в исправительных колониях строгого режима и соответствующем законодательном исключении для женщин, а также вопрос, касающийся количества посылок, передач и бандеролей, получаемых мужчинами и женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Достаточно актуальным в этой связи представляется и вопрос о призыве на военную службу. Ключевой в данной связи выступает проблема «особой социальной роли женщины» в процессе рождения детей, а также в процессе воспитания и ухода за детьми. Надо сказать, что Конституционный Суд РФ в подавляющем большинстве случаев поддерживает сложившиеся в обществе и государстве традиционные подходы к распределению социальных ролей мужчин и женщин. Одной из наиболее часто упоминаемых в этой связи является правовая позиция Конституционного Суда по поводу отпуска по уходу за ребенком [4]. В этой связи в литературе отмечается, что тем самым Конституционный Суд расставил «приоритеты не в пользу отцовства, а в пользу государственных интересов» [17, с. 21]. Аналогично нередко рассматривается и позиция Конституционного Суда по вопросу о законодательном ограничении возможности трудоустройства женщин [5], затрагивающая перечень запрещенных для женщин профессий [6], которая «транслирует и легитимирует представления об «общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода», а также используется «для обоснования ограничений прав мужчин в самых различных сферах» [19, с. 73].

Важное место в современных дискуссиях занимают вопросы семьи, брака и сексуальной свободы россиян. Как отмечают в этой связи исследователи, снятие уголовного наказания за такие виды антисоциального поведения, как мужеложство и

проституция, «привело к тенденциям деморализации общества» [21, с. 23]. В современной науке достаточно активно предлагается конституционно обосновать приоритет «традиционных» отношений между полами. Наиболее радикально настроенные политики предлагают вернуть соответствующие статьи в Уголовный кодекс РФ. Надо сказать, что данная проблема довольно часто обсуждается не только учеными-юристами, но и рядовыми россиянами, в том числе в свете последних изменений в отечественном законодательстве. В этой связи достаточно вспомнить изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21) и соответствующую правовую позицию Конституционного Суда РФ, затронувшего проблему «социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений» [3]. При этом современный российский законодатель не оставляет попыток дополнительной коррекции брачно-семейных отношений в свете исследуемой проблемы. Так, в мае 2015 года в Государственную Думу был внесен, впоследствии отклоненный законопроект № 790069-6, предполагающий запрет на вступление в брак лицам, изменившим биологический пол, либо лицам, проходящим процедуру изменения пола на момент заключения брака. Последний всплеск дискуссий на данную тему был спровоцирован обнаруженной «лазейкой» в законодательстве об усыновлении, которая давала возможность усыновлять детей однополым «парам» (не имеющим по российским законам возможности официально зарегистрировать свои отношения).

Одной из наиболее остро обсуждаемых проблем является современное состояние института народовластия, само существование которого нередко ставится под сомнение по причине утраты доверия представителей власти со стороны населения и потери реальных каналов прямой и обратной связи между ними. Нельзя не согласиться с тем, что в современной правовой практике публичная власть все реже исполняет роль проводника воли населения [20, с. 32] и все чаще рассматривается в контексте ее авторитарных и патерналистских характеристик. Много дискуссий вызывает преимущественно ограничительное толкование законодателем политических прав и свобод граждан. Отдельного внимания заслуживает вопрос о трансформации уведомительного порядка реализации свободы собраний в разрешительный [14, с. 24]. Последние новеллы российского законодателя, призванные поставить барьер на пути распространения в информационно-телекоммуникационных сетях информации, выражающей явное неуважение к органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации [2], также ожидаемо вызвали широкий общественный резонанс. Активно обсуждаются и ограничения в сфере реали-

зации конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ) в свете не так давно установленных требований к операторам связи [1].

В заключение отметим следующее. Тезис о том, что современная российская Конституция еще слишком молода, уходит в прошлое. У ныне действующей Конституции было достаточно времени, чтобы реализовать значительную часть заложенного в ней потенциала и показать свои «положительные» и «отрицательные» стороны. Однако не вызывает сомнений, что двадцати пяти лет действия Конституции оказалось недостаточно для того, чтобы в сознании россиян произошли необходимые изменения мировоззренческого характера. Это касается как понимания места и роли Основного закона в жизни страны, так и принятия или непринятия отдельных его положений. Достаточно ощутима тенденция «возврата» к традиционным (консервативным) идеям и в обыденном сознании, харак-

теризующем конституционную культуру россиян. Одновременно в юридической науке не прекращается дискуссия о том, что излишняя «либеральность» действующей Конституции компенсируется неполноценной реализацией не только отдельных прав и свобод, но и ее концептуальных положений. Достаточно часто данная проблема обсуждается в контексте вопроса об «имитации конституционного строя» [12, с. 12]. Как справедливо отмечается в научной литературе, в этой связи необходима не «дискредитация юридически закрепленных ценностей, а постоянное объяснение особенностей российской публично-правовой жизни в пределах демократической конституционной идеологии» [26, с. 15]. В таких условиях особую актуальность приобретает широкая общественная конституционно-правовая дискуссия, посвященная дальнейшим путям конституционно-правового развития, а также организации реальной действующей системы прямой и обратной связи между населением и представителями публичной власти.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 28, ст. 4558.
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 18 марта 2019 г. № 28-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12, ст. 1218.
3. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 сент. 2014 г. № 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 40, ч. III, ст. 5489.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 янв. 2009 г. № 187-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2012 г. № 617-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин: постановление Правительства Рос. Федерации от 25 февр. 2000 г. №162 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 10, ст. 1130.
7. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята ВС РСФСР 12 апр. 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15, ст. 407.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 7 окт. 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.
9. Арбузкин А.М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 18–25.
10. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Сер.: Библиотека судебного конституционализма. Вып. 9. М.: Юрист, 2018. 83 с.

11. Володин В. Живая Конституция развития // Парламентская газета. №27 [2893]. 2019. 9 июля.
12. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 12–18.
13. Исаева А.А. Признаки светского государства и особенности их реализации в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 28–34.
14. Кондрашев А.А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 24–44.
15. Левчик В.А. Непреодолимые конституционные запреты. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2019.
16. Миронов А.Н. Конституция Российской Федерации 1993 года: смысло-логический анализ. СПб.: Роза мира, 2005.
17. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30.
18. Плотникова И.Н. Конституционно-правовое регулирование права собственности граждан России на землю: вопросы конкретизации и защиты // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 21–24.
19. Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3. С. 73–91.
20. Уваров А.А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 32–35.
21. Умнова-Конюхова И.А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex russica. 2018. № 11. С. 23–39.
22. Хабриева Т.Я. Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного закона России) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 10–17.
23. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 272–287.
24. Чиркин В.Е. Верна ли терминология о принятии поправок к Конституции Российской Федерации? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 3–7.
25. Чиркин В.Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. №12. С. 13–19.
26. Юсубов Э.С. «Человек – высшая ценность» как философская и конституционная максима // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 15–19.

References

1. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O protivodeistvii terrorizmu» i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeistviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti: feder. zakon Ros. Federatsii ot 6 iyulya 2016 g. № 374-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2016. № 28, st. 4558.
2. O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18 marta 2019 g. № 28-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2019. № 12, st. 1218.
3. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 6.21 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zhaloboi grazhdan N.A. Alekseeva, Ya.N. Evtushenko i D.A. Isakova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 23 sent. 2014 g. № 24-P // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2014. № 40, ch. III, st. 5489.
4. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob grazhdanina Markina Konstantina Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statei 13 i 15 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennykh posobiakh grazhdanam, imeyushchim detei», statei 10 i 11 Federal'nogo zakona «O statuse voennosluzhashchikh», stat'i 32 Polozheniya o poryadke prokhozheniya voennoi sluzhby i punktov 35 i 44 Polozheniya o naznachenii i vyplate gosudarstvennykh posobii grazhdanam, imeyushchim detei: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 15 yanv. 2009 g. № 187-O-O. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Klevets Anny Yur'evny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chastyami pervoi i tret'ei stat'i 253 Trudovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i punktom 374 razдела XXX Perechnya tyazhelykh rabot i rabot s vrednymi ili opasnymi usloviyami truda, pri vypolnenii kotorykh zapreshchaetsya primenenie truda zhenshchin: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 22 marta 2012 g. № 617-O-O. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Ob utverzhdenii perechnya tyazhelykh rabot i rabot s vrednymi ili opasnymi usloviyami truda, pri vypolnenii kotorykh zapreshchaetsya primenenie truda zhenshchin: postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 25 fevr. 2000 g. № 162 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2000. №10, st. 1130.

7. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki: prinyata VS RSFSR 12 apr. 1978 g. // Vedomosti VS RSFSR. 1978. №15, st. 407.
8. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: prinyata VS SSSR 7 okt. 1977 g. // Vedomosti VS SSSR. 1977. № 41, st. 617.
9. *Arbuzkin A.M.* Chelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysshei tsennost'yu? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2016. №2. S. 18–25.
10. *Bondar' N.S.* Konstitutsiya Rossii v sovremennuyu epokhu global'nykh peremen: ot politicheskikh illyuzii k yuridicheskomu realizmu. Ser.: Biblioteka sudebnogo konstitutsionalizma. Vyp. 9. M.: Yurist, 2018. 83 s.
11. *Volodin V.* Zhivaya Konstitutsiya razvitiya // Parlamentskaya gazeta. №27 [2893]. 2019. 9 iyulya.
12. *Denisov S.A.* Obshchaya teoriya imitatsii konstitutsionnogo stroya // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 3. S. 12–18.
13. *Isaeva A.A.* Priznaki svetskogo gosudarstva i osobennosti ikh realizatsii v sovremennoi Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 9. S. 28–34.
14. *Kondrashev A.A.* Svoboda sobraniy v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2017. № 6. S. 24–44.
15. *Levchik V.A.* Nepreodolimye konstitutsionnye zaprety. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Kon-sul'tantPlyus». 2019.
16. *Mironov A.N.* Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii 1993 goda: smyslo-logicheskii analiz. SPb.: Roza mira, 2005.
17. *Narutto S.V.* Sem'ya kak konstitutsionnaya tsennost' // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2017. № 5. S. 21–30.
18. *Plotnikova I.N.* Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie prava sobstvennosti grazhdan Rossii na zemlyu: voprosy konkretizatsii i zashchity // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2016. № 10. S. 21–24.
19. *Podoplelova O.G.* Gendernye stereotipy v konstitutsionnom prave Rossii: lovushka «osobogo otnosheniya»? // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2018. № 3. S. 73–91.
20. *Uvarov A.A.* Effektivnost' narodovlastiya v sootnoshenii s formami pryamogo voleiz'yavleniya gra-zhdan // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 3. S. 32–35.
21. *Umnova-Konyukhova I.A.* Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii 1993 goda: otsenka konstitutsionnogo ideala i ego realizatsii skvoz' prizmu mirovogo opyta // Lex russica. 2018. № 11. S. 23–39.
22. *Khabrieva T.Ya.* Konstitutsionnoe razvitie: statika i dinamika (k 25-letiyu Osnovnogo zakona Rossii) // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 12. S. 10–17.
23. *Khabrieva T.Ya., Andrichenko L.V.* Konstitutsionnye reformy na postsovetском prostranstve: tendentsii razvitiya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2017. № 3. S. 272–287.
24. *Chirkin V.E.* Verna li terminologiya o prinyatii popravok k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 2. S. 3–7.
25. *Chirkin V.E.* Slovo o konstitutsionnoi terminologii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2013. № 12. S. 13–19.
26. *Yusubov E.S.* «Chelovek – vysshaya tsennost'» kak filosofskaya i konstitutsionnaya maksima // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. №11. S. 15–19.

*Поступила в редакцию 20 сентября 2019 г.
Received 20 September, 2019*